

Другие скрыты в тексте глубже. Они обнаружатся, если мы прочтем его параллельно с «Моиими пенатами» Батюшкова:

Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз<...>

Батюшков обращал эти строки к князю Вяземскому и Жуковскому. Пушкинское обращение к «князю» словно соткано из батюшковской лексики, фразеологических оборотов, даже рифм: *славы — забавы, муз — уз...*

Не Вяземский ли адресат его строк? Он тоже был автором сатирических стихов, расходившихся в рукописях и запретных для печати. Он писал куплеты и, подобно Горчакову, упражнялся в жанре «ноэля», и последний его «ноэль», написанный в 1814 году, где он, кстати, задел и самого Горчакова, имел успех скандала³. Соседство его в «потаенной тетради» рядом с Батюшковым и Василием Пушкиным, единомышленниками, «врагами Парнасских уз» не просто было естественным: оно было почти неизбежным; самое отсутствие Вяземского в этом ряду выглядело бы как демонстрация.

В 1814—1815 годах для лицеиста Пушкина он был одним из поэтических учителей.

Если мы прочтем все характеристики, которые Пушкин давал Вяземскому — поэту и критику, мы, кажется, рассеем последние сомнения.

«Люблю твой колкий стих». В послании «Вяземскому» (1821) Пушкин напишет: «Язвительный поэт, остряк замысловатый, И блеском [колких слов], и шутками богатый...». В стихотворении 1825 года «Из письма к Вяземскому» находим: «Писатель нежный, тонкий, острый...». Эта «колкость» и «острота» «резва» и «игрива», непринужденна, легка. На протяжении нескольких лет оба эпитета были у Пушкина постоянно прикреплены к имени Вяземского:

...я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И петь, и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться, право, пресмешно.

Из письма к В. Л. Пушкину
от 22 декабря 1816 года

Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?

Кн. П. А. Вяземскому, 1818

Ты право получил, благодаря судьбе.
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

Вяземскому, 1821

Но, быть может, еще важнее и индивидуальнее формула «В сатире — знание света», которую мы находим в «Городке». Она имеет особый смысл. «Знание света» не означает в ней «знание светских нравов, подлежащих сатирическому изображению», как можно было бы подумать. Пушкин говорит об ином — о воспитанности, о соблюдении приличий общежития, без чего сатира превращается в грубый пасквиль. Это качество Пушкин находил именно в сатирах Вяземского. В 1830 году он пишет: «к.<нзяз> Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена» и отнесет это за счет «ума светского и тонкого знания общежития»⁴. А шестью годами ранее он отметит «остроту и светскую вежливость», которой Вяземский сумел наделить даже своих воображаемых противников⁵.

Это был общий принцип «карамзинистской» критики, который разделял и молодой Пушкин.

Думается, сказанного достаточно, чтобы вернуть князю Петру Андреевичу Вяземскому законное принадлежащее ему место в «потаенной тетради» пушкинского «Городка».

Впервые: Русская речь. 1990. № 3.

¹ Сочинения Пушкина, изд. Имп. Академии наук, 2-е изд. СПб., 1900. Т. I. С. 82—83 прим.

² Русские поэты-сатирики XVIII — начала XIX века. Л., 1959. С. 87—88.

³ Вяземский П. А. Сочинения. М., 1982. Т. I. С. 47—51, 380—382.

⁴ Пушкин. Т. II. С. 97.

⁵ Там же. С. 20.

«Стансы к винограду»

Есть два лицейских послания Пушкина, занимающие в его юношеской лирике особое место. Адресат их, Александр Иванович Галич (1783—1848) читал в лицее рос-

сийскую и латинскую словесность. Когда в мае 1814 года за болезнью оставил занятия профессор Н. Ф. Кошанский, заменить его пригласили тридцатилетнего адъюнкта Педагогического института Галича, который и преподавал лицеистам до июня 1815 года, уступив затем место П. Е. Георгиевскому. Мы не знаем досконально содержания курса Галича; можно предположить, однако, что он сочувствовал тем новым литературным веяниям, которые начали уже распространяться в среде лицейских поэтов. Он учился в Германии и вынес отсюда знакомство с эстетическими теориями романтиков, что и сказалось впоследствии в «Опыте науки изящного», изданном им в 1825 году.

Пушкин сохранил о Галиче благодарное воспоминание, и когда через двадцать лет увиделся с ним на совещании участников энциклопедического лексикона, записал в дневнике: «...я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои *«Воспоминания в Ц<арском> Селе»*¹. Знаком укрепления этих связей и были два послания к Галичу; второе из них было написано уже тогда, когда Галич покинул лицей.

В обоих стихотворениях проходит тема дружеского пира. Во многом она навеяна литературными образцами, и прежде всего «Моими пенатами» Батюшкова, где она символизирует дружеское общение единомышленников-поэтов, острословов, гедонистов, свободно творящих, свободно живущих и наслаждающихся жизненными радостями. В соответствии с этой традицией адресат послания предстает в приближенном к античному облике мудреца-эпикурейца. Тема, впрочем, шла не только от литературы: в стихах есть приметы лицейского быта. Лицеисты в самом деле собирались у Галича и в тесном дружеском кружке читали свои стихи:

...послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты...

К Галичу, 1815

И полон становится
Твой малый, тесный дом;
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком...

Послание к Галичу, 1815

В «песельнике» видят обычно М. Л. Яковлева, в «остряке» — А. Д. Илличевского или Дельвига.

По-видимому, такие собрания бывали неоднократно:

И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень...

Одних этих живых зарисовок лицейского литературного быта было бы достаточно, чтобы послание осталось в памяти любителей поэзии. Но Пушкин делает еще одно указание чрезвычайной важности. Он называет стихи, которые читались на вечерах Галича:

Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт
Несет свою балладу...

Мы знаем сейчас, что это была баллада «Поляк», вошедшая в лицейские рукописные сборники. Среди лицейстов она пользовалась популярностью. А. Д. Илличевский упоминал о ней в письме к своему другу П. Н. Фуссу от 28 февраля 1816 года².

И стансы к винограду,
И к лилии куплет.

«Куплет к лилии» был опубликован в том же 1815 году в номере третьем журнала «Российский музей». Это было стихотворение «Лилея», получившее позднее новое название — «К Дориде».

Обо всем этом можно сейчас прочитать в комментариях к посланию Пушкина и к стихам Дельвига.

Ни в одном из комментариев мы не найдем, однако, никаких упоминаний о «стансах к винограду». Все попытки выяснить, какие стихи Дельвига имел в виду Пушкин, остались безуспешными. Может быть, эти стихи вообще не дошли до нас?

Не будем спешить с выводами; перечтем лучше лицейскую лирику Дельвига и задержимся на стихотворении «Элизинум поэтов», где есть такие строчки:

И Бассарей с кистями винограда
К тебе пришел, шатаясь на ногах,
С улыбкой рек: «Вот бедствиям отрада,
Люби и пей на дружеских пирах».

Ты в руки ковш — он выжал сок шипящий...³

Эти стихи сохранились в единственном автографе в тетради Дельвига и датируются лишь приблизительно: не позднее 1819 года. Предполагается, однако, что они были написаны еще в лицее.

Когда Пушкин — уже, видимо, в конце 1820-х годов — читал с карандашом в руках тетрадь Дельвига, он испестрил «Элизиум поэтов» своими пометами. Неточности мысли и выражения он находил почти в каждой строфе. Только три из них не вызвали его замечаний, и в их числе были строфы с «виноградом»⁴. Без сомнения, он считал их лучшими в стихотворении, и потому мог обозначить целое как «стансы к винограду». А стало быть, и самое стихотворение уже существовало к июню 1815 года, когда окончились дружеские сходки у Галича.

Такая гипотеза могла бы показаться излишне смелой, если бы она не находила себе подтверждения в самом тексте пушкинского послания.

Дело в том, что тридцатью строками ранее Пушкин перефразировал интересующие нас «стансы» Дельвига. Он нарисовал сценку, в которой бог вина Вакх, чье имя также и Лиэй, и Либер, и Бассарей (все эти имена встречаются в лицейских стихах), награждает беспечного философа за равнодушие к благам фортуны:

Когда сей бог молодой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.

В этой совершенно абстрактной аллегорической картине есть живой жест, деталь, придающая ей почти чувственную конкретность. Она заключается в строке «качаясь на ногах», которую Пушкин заимствовал из «стансов к винограду» — из дельвиговского «Элизиума поэтов».

Все остальное Пушкин отверг.

Его послание и по идеям, и по образности, и по языку было прямо противоположно стихотворению его ближайшего друга. Для автора «Элизиума» гений, следующий своему предназначению, сохраняет «душевную чистоту» и отвергает дары Венеры и Вакха, — в противном случае он закрывает себе путь в святилище поэтов:

Блажен, кто мог с невинностью пробраться
Чрез этот мир, возвышенным пленен.

«Чрез грязный мир», — поправил Пушкин, когда читал черновую тетрадь Дельвига. Он оставлял в неприкосновенности поэтические идеи; он правил только «слог».

Сам же он — в особенности в лицейские годы — не склонен был противопоставлять «возвышенную» поэзию поэтическому эпикурейству, которое было для него символом духовной свободы. Он следовал в этом отношении раннему Батюшкову и заветам «арзамасского братства». Парафраза «Элизиум поэтов» в «Послании к Галичу» была почти полемикой, хотя, конечно, и неосознанной.

А год спустя и для самого Дельвига началась полосу увлечения поэтическим эпикуреизмом.

Впервые: Русская речь. 1989. № 3.

¹ Пушкин. Т. 12. С. 322.

² Дельвиг А. А. Полн. собр. стих. Л., 1959. С. 285.

³ Там же. С. 97.

⁴ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме: Научное описание/Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский//М.; Л., 1937. С. 272—274, № 768.

Булнина или Бакунина!

В лицейском дневнике Пушкина за 1815 год под 28 ноября находится следующая запись:

«Ш — в и г-жа Б — на увенчали недавно кн. Шаховского лавровым венком, на этот случай сочинили очень остроумную пиэсу под названием: *Венчание Шутковского (Гимн на голос: de Béchamel)*»¹.

Эту остроумную «пиэсу», принадлежащую Д. В. Дашкову, Пушкин далее выписал полностью, но мы цитировать ее здесь не будем, ибо наше внимание должны занять предпосланные ей строки.

События, о которых рассказывает Пушкин, хорошо известны, и мы лишь вкратце напомним их.

23 сентября 1815 года на петербургской сцене состоялась премьера комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Автор комедии, даровитый драматург и сатирический поэт, был в это время в центре борьбы, разрывавшей литературные круги Москвы и Петербурга; он был, вероятно, самым талант-